

Кулжинский Иван Григорьевич

Федюша Мотовильский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Григорьевич К.**
Федюша Мотовильский / Кулжинский Иван Григорьевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2026. – 137 с.

ISBN 978-5-519-91717-9

ISBN 978-5-519-91717-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чуланомъ, была жилищемъ самаго пана, паньи и панской семьи.

Въ свѣплицѣ не было другихъ мебели кромѣ дубовыхъ лавокъ и длиннаго стола, всегда покрытаго цвѣтиспымъ ковромъ. Прочее украшеніе было въ подобномъ же вкусѣ. Всѣ спѣсны свѣплицы были утыканы колышками столярной работы, на копорыхъ въ нарочитомъ порядкѣ висѣло платье хозяина: черкески, шубы, польскіе кафтаны, поясы, и п. п.; а надъ дверью чулана былъ почешно повѣшенъ предковскій мечъ, коего ременные ножны уже подвергались плѣню. — Домъ Кузьмы Ивановича былъ окруженъ съ одной стороны обширнымъ огородомъ, на копоромъ въ лѣтнее время пани Мошовильская нерѣдко сама со всѣми своими крестьянками полола гряды, садила лукъ и капусту: съ другой же стороны былъ длинный дворъ, уставленный хлѣвами и ан-

барами разной величины и архитектуры. Возлѣ самыхъ воротъ находилась *винокурня* — огромное, закопѣлое зданіе, изъ котораго всегда выходилъ соблазнительный запахъ горѣлки.

Домашняя жизнь Кузьмы Ивановича была такъ однообразна, что описавши одинъ день, мы опишемъ половину столѣтія. Просыпаясь бывало онъ, обыкновенно въ полночь, и первымъ движеніемъ его всегда было — идти въ *винокурню*. Осмотрѣвши трубы, коплы и опдавши нужныя приказанія, спарикъ отправляется къ заупренѣ, если на топъ разъ звонили на приходской колокольнѣ. Въ церквѣ, по похвальному обычаю нашихъ предковъ, Кузьма Ивановичъ всегда бывало восходилъ на крилось, и, послѣ учиниваго приглашенія опъ дьячка, читаетъ Псалтырь, помогаетъ пѣть, а иногда, въ небольшіе про-

межушки молчанія клироса, удостоитъ бывало дьячка парюю словъ о погодѣ, или о новоспяхъ, привезенныхъ изъ повѣповаго города. — Заупреня кончилась — спарикъ спѣшитъ оцѣпъ въ винокурню. — Уже нѣсколько мужиковъ ожидаютъ пана, и шеперь-то начинается торгъ на дворѣ Кузьмы Ивановича. Одни покупаютъ горѣлку и платятъ деньги; другіе везутъ дрова, муку, бочки, и получаютъ за нихъ горѣлку; боватый купчина, изъ ближняго *мѣстечка*, торгуетъ кабановъ; оборванные работники подходятъ съ нѣакимъ поклономъ, и получаютъ свою порцію. Воропа настѣжъ; выѣзжаютъ, кричатъ, идутъ, суетяся и все это сосредоточивается — около винокурни! —

Уладивши свои упренія дѣла, Кузьма Ивановичъ отправлялся въ свою свѣплицу, гдѣ уже ожидала его *пани*, съ мѣднымъ чайникомъ,

который долгое время замѣнялъ въ Малороссіи *хитрую* выдумку самоваровъ. Для избѣжанія лишнихъ расходовъ, спарики пили чай съ домашнимъ медомъ, и только развѣ для гостей подавали иногда съ сахаромъ, который отъ ярмарки до ярмарки хранился въ заповѣдномъ жестяномъ ларцѣ. — *Марья Никитична* (такъ называлась г-жа Матповильская) была смиренное и доброе созданіе, которое во всемъ повиновалось своему мужу. Хотя въ сіе время нѣкоторые лучи просвѣщенія начинали уже прокрадываться въ Малороссійскія села, и уже наши дворянки переспавали называть своихъ мужей *панами*; но Марья Никитична не менѣ того уважала своего мужа, и оказывала ему покорность, какъ своему законному господину. За то и Кузьма Ивановичъ не пропускалъ ни одного свѣтлаго праздника, ни одной ярмарки въ окологдѣ, чтобы не ку-

пишь ей или шинцу на плашье, или новаго *гранитуроваго* плашка на голову, или модныхъ *теревиковъ* на высокихъ *коркахъ*. Нѣкогда, въ бурные годы молодости, случилось, что и Кузьма Ивановичъ, въ припадкахъ вспыльчивости, пощивалъ иногда Марью Никишичну кулаками; но сіи годы прошли, время научило благаразумію, и теперь наши супруги во всемъ околodкѣ служили примѣромъ мирной и дружелюбной жизни. —

Послѣ чаю, день въ хлопотахъ и заботахъ нечувствительно склонялся къ обѣду. — Описывать ли сіе, ежедневно повшоряемое нами *дѣйствіе*, въ которомъ главную роль играютъ зубы и челюсти, и по которому мы едвали оплечаемся отъ прочихъ пварей. . . Всего забавнѣе, что люди и сіе, очень естественное, *дѣйствіе* подвели подъ правила, начерпали законы для обѣдовъ

и ужиновъ, и почитаютъ нѣкопорою честію соблюденіе вымышленныхъ обрядовъ насыщенія, между тѣмъ, какъ имъ слѣдовало бы спыдаться такого, довольно рѣзкаго, сходства съ прочими живыми, и насыщать свою утробу какъ можно пише, безъ блеску, безъ шуму, и, ежели можно, шайкомъ опъ своего безсмертнаго духа. . . Мало ли чего и другаго найдется въ нашей жизни, надъ чѣмъ вѣроятно смѣются духовныя наши братья — благороднѣйшія существа, жильцы неземные? . . . Но . . . мечты увлекаютъ меня опъ Кузьмы Ивановича, и я добровольно винюсь въ своемъ грѣхѣ впротивъ обязанности исправнаго испорика.

Послѣ обѣда, старикъ проведеніи нѣсколько минутъ въ сладкой дремотѣ на дубовой лавкѣ, оспальное время всегда посвящалъ чтенію. Письмовникъ Курганова, Брюсовъ

Календарь, и нѣсколько книжекъ Утренняго Свѣта, соспавляли всегдашнее чтеніе Кузьмы Ивановича. Опершись локтями на столъ, въ огромныхъ очкахъ, старикъ часомъ просиживалъ надъ книгою до глубокаго вечера, и тогда — ни одна муха не смѣла пролетѣть по свѣтлицѣ, все семейство хранило глубочайшее молчаніе; ходили на цыпочкахъ, опворяли и затворяли дверь какъ можно тише и незамѣтно; въ прошивномъ случаѣ — горе нарушителю тишины и спокойствія!

Семейство Кузьмы Ивановича состояло изъ двухъ дочерей и сына. Обѣ дочери, степенныя дѣвушки лѣтъ за двадцать, жили зимою въ чуланѣ возлѣ свѣтлицы, а лѣтомъ на огородѣ, или въ амбарѣ, гдѣ стояли ихъ сундуки съ приданнымъ и нарядныя постели, украшенныя шелковыми одѣялами. Но

любимцемъ всего семейства былъ **Федюша**, послѣднее дитя **Кузьмы Ивановича**, мальчикъ 15ти лѣтъ, упѣха отца и матери и баловникъ своихъ сестеръ.

Уже при года прошло, какъ **Федюша** въ первый разъ, былъ оповѣденъ въ *приходскую школу*, которая славилась во всемъ окологѣ великимъ числомъ учениковъ, сановитостію дѣячкѣ и строгимъ соблюденіемъ законовъ школярныхъ. Чтобы познакомить васъ, любезный читатель, съ этимъ святыищемъ просвѣщенія, мы попросимъ васъ въ самую внутренность школы. Просторное зданіе раздѣлялось на двѣ половины, изъ коихъ одну занимали огромныя сѣни, служившія лѣпомъ вмѣсто класса, другая же половина состояла изъ большой комнаты съ чуланомъ. Обширная Русская печь занимала половину школы, а остальная часть хаты была устлана лавками и длиннымъ спо-

ломъ. Ученики, обоихъ половъ, разныхъ возрастовъ и соспояній, сидѣли за споломъ, и во все дѣпское горло каждый чишалъ свой урокъ. *Азбугники* сидѣли съ указками въ рукахъ на особой скамейкѣ; за ними слѣдовали *псалтырники*, а самое первое мѣсто, подъ образами, предоспавлено было *табличниками* и собственно такъ называемымъ *писарями*. Табличники на деревянныхъ навосченныхъ доскахъ писали бѣлилами; именемъ же писаря назывался уже топъ, чье борзое перо изпецряло чернилами бумагу.

Сановиный дѣячекъ, съ длиною косою, въ польскомъ кафтанѣ голубаго цвѣта, какъ нѣкій Дикпаторъ засѣдаетъ бывало между своими учениками; и иному прокажетъ склады: азб *Ангелъ Ангельскій Архангелъ*, другому задаетъ стихъ изъ Псалтыри, иному поправитъ буквы на таблицѣ — и всѣ учени-

ки препедали предъ нимъ какъ преступники! — Длинная плёпка изъ двухъ ремешковъ, которую, вѣроятно, для мученія мальчиковъ изобрѣли нечистыя силы и называли *двойчаткою*, всегда находилась въ правой рукѣ *Апанаса Ивановича*, (такъ назывался дѣчекъ), и — горю тому ученику, который ошибался! *Двойчатка*, не разбирая головы и ушей, хлестала виноватаго. . .

Кромѣ *экстраординарнаго* употребленія *двойчатки*, всѣ ученики безъ изъятій, и прилежные и лѣнивые, въ каждую субботу предъ отпускомъ домой, должны были непременно опробовать *березовой каши*. — Сіе наказаніе, извѣстное подъ именемъ *субботки*, установлено было въ приходскихъ школахъ съ незапамятныхъ временъ, и ежели вѣришь *Апанасу Ивановичу*, было встарину извѣстно подъ именемъ *страха Божьяго*. Бѣдные мальчижи